

Уосиу Прогасиу

BENGT JANGFELDT

SPÅRÄKËT AR
GUD

Anteckningar
om Joseph Brodsky

БЕНГТ ЯНГФЕЛЬДТ

ЯЗЫК ЕСТЬ БОГ

Заметки
об Иосифе Бродском

Перевод со шведского
Бенгта Янгфельдта

издательство **аст**
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2)6
Я60

Обложка: Иосиф Бродский. Фото Бенгта Янгфельдта.

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Янгфельдт. Б.

Я60 Язык есть бог. Заметки об Иосифе Бродском / БЕНГТ ЯНГФЕЛЬДТ; пер. со шведского Б. ЯНГФЕЛЬДТА; пер. с английского А. НЕСТЕРОВА — М.: Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 368 с.

ISBN 978-5-17-094092-9

Бенгт Янгфельдт — известный шведский писатель, ученый, автор многочисленных трудов по русской культуре, переводчик и издатель. Он выпустил впервые на русском языке переписку В. Маяковского и Л. Брик, написал книги о Маяковском и о выдающемся лингвисте Романе Якобсоне, недавно подготовил исторический труд о Петербурге. А еще Бенгт Янгфельдт был издателем и основным переводчиком на шведский Иосифа Бродского. Они часто встречались на протяжении многих лет, так как, став в 1987 г. Нобелевским лауреатом, поэт приезжал в Швецию каждое лето, найдя здесь, по его словам, “экологическую нишу — тот же мох, тот же гранит, тот же климат, те же облака”, что и на вынужденно покинутой родине.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2)6

ISBN 978-5-17-094092-9

- © Bengt Jangfeldt, 2010 by agreement with OKNO Literary Agency, Sweden
- © Фонд по управлению наследственным имуществом Иосифа Бродского. Воспроизведение без разрешения Фонда запрещено.
- © Б. Янгфельдт, перевод на русский язык, 2011
- © А. Нестеров, перевод на русский язык; стр. 322–337; 2011
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016
- © ООО “Издательство АСТ”, 2016
Издательство CORPUS ®

Оглавление

I. Ля больче вита

Писатель — одинокий путешественник	9
--	---

II. Язык есть бог, или Мальчик на крыльце

Скрипи, перо!	89
Русский Оден	112
From Russian with Love	123
Свободный человек не винит никого	137
Пламенный антиязычник	153
Голос из дому	165

III. Фрагменты

Пятистопный ямб	183
Только нервы	189
Вне четырех стен дома	195
Работа и жизнь	196
За и против	198
Интервру	201
Русский язык как теология	204
Абсурдные пробелы	206
Хвала таланту	209
Участь писателя изгнанника	211
Ö	213
Согласное несогласие	216

Prix Nobel?	219
Нобелевская лекция русского поэта	223
It's very nice to leave Helsinki	227
“Примечания папоротника”	231
Мяу	236
The road not taken	239
Песенка о свободе	241
Девяносто лет спустя	243
Маяковский и Татьяна	247
Хранилища времени	251
“Взгляд Отца”	255
Поэтические мысли	257
Осколки	259
Инфарктика	279
Идеальное пространство	285
Вергилиевский герой	288

IV. Беседы

Человек в корне плохой	297
Стихотворение — фотография души. <i>Перевод с английского Антона Нестерова</i>	319
Форма в поэзии. <i>Дискуссия между Иосифом Бродским и Дерекотом Уолкоттом. Перевод с английского Антона Нестерова</i>	334
<i>Послесловие</i>	353
<i>Указатель имен</i>	357
<i>Источники иллюстраций</i>	363

Ля больче вита

Писатель — одинокий путешественник

К моменту, когда 4 июня 1972 года самолет Аэрофлота с Иосифом Бродским на борту пересек воздушное пространство между Востоком и Западом, имя Бродского уже давно проделало этот маршрут, хотя и на других крыльях. Его уже несколько лет знали на Западе и как новую крупную величину в русской поэзии, и как жертву политической системы, каравшей его именно за то, что он поэт.

Из двух составляющих своей славы Бродский сам признавал только первую. О гонениях говорил неохотно и их значение для своей биографии начисто отвергал. Роль “жертвы” и “диссидента” была ему чуждой.

1

Поэзия была для Бродского всем: наваждением, воздухом, которым он дышал, одержимостью. Поэзия, утверждал он, древнее политики и переживает ее, она — высшая форма человеческой деятельности, выше, разумеется, политического языка, но и совершенней прозы. Даже на пути в аэропорт Пулково в тот же день, как ему предстояло приземлиться в Вене, по воспоминаниям Татьяны Никольской, ехавшей с ним в одном такси, разговор шел о поэзии, а не о политике и об изгнании, как можно было бы ожидать.

Человек, выросший в агрессивно одноцветном обществе, должен был ради сохранения духовного здоровья выработать альтернативы иерархии ценностей, предложенной ему системой. В стране, где, по словам Бродского, “прелюбодеяние и посещение кинотеатра суть единственные формы частного предпринимательства”*, поэзия стала “формой противостояния действительности”, как пишет он в эссе о Томасе Венцлове.

В русской традиции роль поэзии иная, чем в большинстве других национальных культур. В России поэты всегда считали своим долгом

* Основные источники цитат, приведенных в книге, указаны автором в “Послесловии”.

говорить от имени народа, собственного голоса лишенного. Но Бродскому традиционная роль пророка была чужда, его интересовала функция поэзии как альтернативы официальному языку, языку власти, бывшему в России на редкость стереотипическим; задача поэта — не в выражении определенного мнения, а в том, чтобы писать хорошо.

В Ленинграде, родном городе Бродского, политический климат был во многом жестче, чем в Москве. Причины тому были исторические и географические: со времен убийства Кирова в Москве боялись политического сепаратизма в бывшей столице. Кроме того, в Москве находились представительства иностранных газет, которые сообщали на Запад, как власть обходится с интеллигенцией. В Москве отношения писателей с властью строились по-другому. Это касалось не только признанных авторов, но и тех, кто действовал на узкой полосе лично приемлемого и властью дозволенного. Евтушенко и Вознесенский не могли печатать все, что хотели, но они могли печататься, и были формы взаимодействия с властью, налагавшие обязательства и искушавшие привилегиями: машинами, дачами, зарубежными поездками.

В Ленинграде существовала рядом с официальной культурой богатая политическая субкультура, получившая признание только во время перестройки и, главным образом, после Нобелевской премии Бродского, сразу бросившей яркий свет на его сверстников из так называемой ленинградской школы. В советское время эти поэты не могли издаваться, несмотря на то что их стихи не были политическими. Для того чтобы считаться врагом системы, не надо было быть анти-советским, достаточно было быть а-советским, поворачиваться к системе спиной. Это касалось в равной степени и жизни, и литературы. Носили узкие брюки, лучше всего джинсы, курили западные сигареты, пили виски и джин, раздобывая их у иностранцев или знакомых, либо съездивших за границу, либо имевших доступ в валютный магазин “Березка”. И стихи писали не о рабочем или доярке, как предписывалось каноном, а, например — как в случае Бродского, — о душе, каковое слово и понятие на десятилетия вышло

из употребления в советской лирике. “С этого все мои неприятности и начались. Когда начальники поняли, что человек просто не обращает на них внимания”, — объяснил Бродский в беседе со мной.

Весной 1964 года Иосиф Бродский был осужден на пять лет ссылки в Архангельскую область “за тунеядство”. Там с ним случилось то, что, пользуясь выражением самого Бродского, можно назвать только потрясением. Московский друг послал ему антологию английской поэзии на языке оригинала. Бродский собирался читать Элиота. Но по чистой случайности книга открылась на оденовской “Памяти У.Б. Йейтса”, где он мог, между прочим, прочесть следующие строки:

Time that is intolerant
 Of the brave and innocent
 And indifferent in a week
 To a beautiful physique,

 Worships language and forgives
 everyone by whom it lives;
 Pardons cowardice, conceit,
 Lays its honours at their feet.

Подстрочный перевод:

Время, которое нетерпимо
 К храбрости и невинности
 И быстро остывает
 К физической красоте,

 Боготворит язык и прощает
 Всех, кем он жив;
 Прощает трусость, тщеславие,
 Венчает их головы лавром.

“Я помню, — пишет Бродский в эссе об Одене “Поклониться тени” (“The Please a Shadow”, 1983), — как я сидел в маленькой избе, глядя через квадратное, размером с иллюминатор, окно на мокрую, топкую дорогу с бродящими по ней курами, наполовину веря тому, что я только что прочел, наполовину сомневаясь, не сыграло ли со мной шутку мое знание языка”. Он еще раз перелистал свой англо-русский словарь, чтобы убедиться в том, что он все правильно понял. “Полагаю, я просто отказывался верить, что еще в 1939 году английский поэт сказал: «Время... боготворит язык», — и тем не менее мир вокруг остался прежним”.

Он все правильно понял: Оден действительно писал, что “Время... боготворит язык”, — это означает, что “язык больше, или старше, чем время, которое, в свою очередь, старше и больше пространства”. Когда Бродский открыл это, он был “просто потрясен”, найдя у Одена поддержку своему пониманию особого статуса поэзии в языковой и литературной иерархии. (По иронии судьбы Оден, издавая в 1966 году собрание своих стихов, выкинул из стихотворения “Памяти У.Б. Йейтса” именно эти две строфы.)

Слова Одена подтвердили, как указывает биограф поэта Лев Лосев, не только мысли самого Бродского “о примате языка над индивидуальным сознанием и над коллективным бытием”. Они были созвучны еще и тому парадоксальному чувству вины, которое поэт переживал в это время. Он не был повинен в “тунеядстве”, но испытывал сильное чувство “экзистенциальной виновности”. “Нормальный человек всегда чувствует вину по отношению к государству, к другим людям и т. д.”, — объяснил он мне однажды, а в интервью 1988 года эту мысль развернул: “Человек свободный отличается от человека порабощенного именно тем, что в случае катастрофы, неудачи, несчастья никогда не винит обстоятельства, другого человека — он винит самого себя”.

Это чувство вины усилилось тем, что Бродский считал себя до известной степени ответственным за то, что с ним произошло.

Он прекрасно знал, с кем имеет дело, какие силы вызывает на себя, отказываясь шагнуть в ногу с общественным и литературным строем. “Я не принимал систему, — объяснил он в интервью. — Следовательно, у них было право отправить меня за решетку. Это их система. От этого никуда не деться. Раз ты проявляешь свое неприятие, они вправе сделать с тобой что хотят, поскольку их цель — сохранить свою систему навечно... Надо быть трезвым. Я не считаю, что надо заниматься самообманом. Эти типы в силе. Я слабее их. Я не обладаю властью”.

На таком фоне слова Одена стали для Бродского освобождением. Тебе простят, если ты будешь верен своему призванию, если ты — один из тех, кем жив язык. “Писать хорошо, — отмечает Лосев, — становится для Бродского нравственным долгом”.